

Россія и Англія въ Афганистанѣ.

(Изъ записокъ фельдмаршала лорда Робертса) ¹⁾.

К

II.

Когда извѣстіе о звѣрскомъ убійствѣ капитана Каваньяри и прочихъ членовъ англійскаго посольства подтвердилось, то индійское правительство рѣшило двинуть въ Афганистанъ, со всевозможною поспѣшностью, войска, чтобы отомстить афганцамъ за ихъ вѣроломный поступокъ. Командующимъ этимъ войскомъ былъ назначенъ Робертсъ.

Между тѣмъ, вице-королемъ Индіи были получены письма отъ эмира Якубъ-хана, въ которыхъ, описывая совершившееся трагическое происшествіе и разгромъ, учиненный въ Кабулѣ мятежниками, которые осаждали даже его дворецъ, онъ просилъ у индійскаго правительства совѣта и помощи. Хотя въ одномъ изъ этихъ писемъ онъ увѣрялъ въ своей преданности и дружескихъ чувствахъ къ Англіи, но по полученнымъ свѣдѣніямъ оказалось, что въ то же время имъ были посланы изъ Кабула, къ сосѣднимъ племенамъ, эмиссары, съ цѣлью побудить ихъ оказать сопротивленіе англичанамъ въ ихъ движеніи къ Афганистану. Не допуская того, что убійство посла совершилось по наущенію Якубъ-хана, нельзя было сомнѣваться въ томъ, что имъ не были приняты мѣры предупрежденія этого печальнаго событія и что онъ дѣйствовалъ, вообще, неискренно.

Въ самомъ дѣлѣ, Якубъ-ханомъ были пущены въ ходъ воѣ средства для того, чтобы задержать войско, шедшее подъ начальствомъ Робертса,

¹⁾ См. „Русскую Старину“, мартъ 1902 г.

и убѣдить его предоставить афганскимъ властямъ самимъ наказать мятежниковъ. Съ этою цѣлью имъ даже были посланы къ Робертсу, для переговоровъ, его довѣренныя Мустафа-ханъ и Вазиръ-шахъ. Когда они ничего не добились отъ англійскаго генерала, то Якубъ рѣшилъ самъ повидаться съ нимъ, и 27-го сентября, Робертсъ, на пути къ Кабулу, получилъ чрезвычайно смутившее его извѣстіе, что Якубъ-ханъ прибылъ въ Куши. Съ нимъ находились: его сынъ Муза-ханъ, юноша лѣтъ семнадцати, его тесть, главнокомандующій афганской арміей Дауд-шахъ, свита, состоявшая изъ 45 человѣкъ, и конвой въ 200 человѣкъ.

«Нельзя сказать, чтобы первое впечатлѣніе, произведенное имъ, было особенно благоприятное, — пишетъ Робертсъ. — Это былъ мужчина, лѣтъ тридцати двухъ, самой заурядной наружности, съ низкимъ, убѣгавшимъ назадъ, лбомъ и головою конической формы; онъ произвелъ на меня впечатлѣніе человѣка, лишеннаго той твердости характера, при отсутствіи которой, нечего было и думать управлять страной, и держать въ повиновеніи воинственное и непокорное населеніе Афганистана. Взглядъ у него былъ лукавый, онъ не могъ смотрѣть собесѣднику въ глаза, и я сразу почувствовалъ, что его наружность вполне соответствовала двоедушію, которое ему приписывали.

«Его присутствіе въ моемъ лагерѣ доставило мнѣ не мало безпокойства. Онъ то и дѣло получалъ и посылалъ письма и, безъ сомнѣнія, доставлялъ своимъ друзьямъ въ Кабулъ всѣ свѣдѣнія, какія только онъ могъ собрать о нашихъ силахъ и намѣреніяхъ. Но онъ пріѣхалъ подъ видомъ нашего союзника, искалъ у насъ защиты противъ своихъ мятежныхъ войскъ, и каковы бы ни были мои тайныя подозрѣнія, я не могъ отнестись къ нему иначе, какъ къ почетному гостю, до тѣхъ поръ, пока что-либо не заставило бы меня измѣнить свой взглядъ.

«Мой первый визитъ Якубу-хану былъ совершенно офиціальныи. Но онъ тотчасъ воспользовался случаемъ и сталъ энергично наставлять на томъ, что мнѣ лучше было бы приостановить мое движеніе, чтобы онъ имѣлъ время возстановить порядокъ въ войскахъ и наказать виновныхъ въ нападеніи на посольство. Я отвѣчалъ, что мнѣ даны самыя положительныя приказанія и что я обязанъ и твердо рѣшилъ идти къ Кабулу со всевозможной поспѣшностью. Видя, что его доводы не подѣйствовали, онъ перемѣнилъ тактику и заявилъ, что онъ боится за безопасность своей семьи, оставленной имъ въ Бала-Гиссарѣ ¹⁾, что у него есть только одинъ полкъ, на который онъ можетъ положиться, и онъ опасается, чтобы прочіе полки, услыхавъ о нашемъ приближеніи, не взбунтовались и не атаковали крѣпости, и боится, что ни въ чемъ

¹⁾ Крѣпость и резиденція эмира въ Кабулѣ

неповинное населеніе Кабула, не предполагая, что британское войско могло подойти такъ скоро, не успѣвъ увезти свои семьи.

«Чувствуя, что эти опасенія не были истинною причиною тѣхъ стараній, которые эмиръ прилагалъ, чтобы задержать насъ, я сказалъ ему, что я не могу исполнять его желанія, но что если мнѣ придется брать городъ приступомъ, то женщинамъ и дѣтямъ будетъ дано время оставить его.

«Мои слова, видимо, крайне опечалили Якубъ-хана. Оказывается, что онъ оставилъ Кабулъ столь поспѣшно, что даже не захватилъ съ собою палатки, и, если бы ему удалось убѣдить меня не идти далѣе, то онъ, безъ сомнѣнія, тотчасъ возвратился бы въ Кабулъ. Какъ бы то ни было, для него была поставлена палатка посреди нашего лагеря, и были приняты всѣ мѣры къ возможно лучшему его содержанію.

«Когда прибыли, наконецъ, его палатки, то онъ просилъ позволенія поставить ихъ внѣ лагеря, на что я согласился, приказавъ, однако, поставить возлѣ его палатки такой же карауль, какой стоялъ у меня, якобы для того, чтобы оказать ему почетъ, а въ сущности для того, чтобы имѣть возможность наблюдать за всѣми его движеніями.

«Поведеніе моего царственнаго гостя не внушало мнѣ ничего успокоительнаго. Онъ все время поддерживалъ сношенія съ Кабуломъ, откуда къ нему то и дѣло являлись гонцы, очевидно привозившіе ему чрезвычайно важныя извѣстія, какъ объ этомъ можно было судить по жадности, съ какою онъ читалъ получаемыя имъ письма, и потому, что верховыя лошади гонцовъ изнемогали отъ усталости и слишкомъ быстрой ѣзды.

«Можно себѣ представить, какъ мнѣ было неприятно присутствіе въ нашемъ лагерѣ Якубъ-хана, который могъ сообщить кабульскимъ властямъ самыя точныя свѣдѣнія о нашей численности и движеніяхъ. А что онъ былъ увѣренъ въ нашемъ пораженіи, то объ этомъ можно было судить по тому, что его, въ началѣ не только дружественное, но даже низкопоклонное обращеніе со мною сдѣлалось, по мѣрѣ приближенія къ Кабулу, вызывающимъ и надменнымъ».

5-го октября, ровно мѣсяцъ спустя послѣ того, какъ было получено извѣстіе о печальной судьбѣ, постигшей англійское посольство, Робертсъ подошелъ къ Кабулу, а на слѣдующій день одержалъ полную побѣду надъ афганскимъ войскомъ, защищавшимъ доступъ къ столицѣ.

Весьма любопытенъ для характеристики азіатскаго правителя рассказъ Робертса о томъ, какъ держалъ себя Якубъ-ханъ въ этотъ знаменательный для него день, и съ какимъ самообладаніемъ онъ выслушалъ извѣстіе о пораженіи своихъ войскъ.

«Мой другъ эмиръ,—пишетъ Робертсъ,—окруженный своими сардарами, сидѣлъ весь день на холмикѣ среди нашего лагеря, слѣдя

*

съ большимъ вниманіемъ за ходомъ сраженія и расспрашивая воѣхъ подходившихъ къ нему о томъ, какъ идетъ дѣло. Какъ только я окончательно убѣдился въ побѣдѣ, я послалъ своего адъютанта къ его степенству сообщить ему это радостное извѣстіе. Это была, безъ сомнѣнія, тяжелая минута для него, и горькое разочарованіе послѣ того, какъ онъ и его приверженцы въ Кабулѣ тщательно выработали, какъ я впоследствии узналъ, планъ для нашего истребленія. Но эмиръ выслушалъ это извѣстіе съ чисто азіатскимъ спокойствіемъ, не высказалъ ни малѣйшаго огорченія и прсылъ адъютанта передать мнѣ, что такъ какъ мои враги—его враги, то онъ радуется моей побѣдѣ.

«Я былъ вполне доволенъ результатомъ этого дня, но, какъ бы то ни было, въ 12 миляхъ, за холмами, стоялъ Кабулъ съ тысячами вооруженныхъ жителей, готовыхъ энергично сопротивляться, если бы намъ пришлось брать городъ приступомъ.

«Поэтому нельзя было терять времени и, не смотря на усталость войска, ему было приказано съ разсвѣтомъ идти далѣе.

«Наше послѣднее движеніе впередъ тотчасъ послѣ пораженія, нанесеннаго афганцамъ наканунѣ, произвело желаемое дѣйствіе. Прибывъ въ Бени-Гиссаръ, довольно значительную деревню, окруженную огородами и садами, лежащую всего въ двухъ миляхъ къ югу отъ столь прославленной крѣпости Бала-Гиссаръ, я послалъ кавалерійскій развѣздъ осмотрѣть мѣстность и получилъ пріятную вѣсть, что Бала-Гиссаръ оставленъ непріателемъ и что часть города, которую можно было разсмотрѣть, казалась пустынною.

«Въ теченіе этого дня меня посѣтили именитые кабульскіе купцы; каждый изъ нихъ рассказывалъ по-своему о движеніи разбитой мною афганской арміи и о дальнѣйшихъ наміреніяхъ афганскаго главнокомандующаго. Изъ ихъ разнорѣчивыхъ рассказовъ я могъ, однако, заключить, что изъ Когистана подошли свѣжія войска, которыя соединились съ остатками разбитой мною арміи и заняли холмы, возвышавшіеся надъ Кабуломъ къ западу».

Но на слѣдующее утро оказалось, что афганцы побоялись вступить въ сраженіе и, воспользовавшись ночью темнотою, бѣжали, оставивъ въ своемъ лагерѣ множество оружія, слоновъ, верблюдовъ, муловъ и пони.

Англійскій лагерь былъ перенесенъ ближе къ городу на плато, возвышающееся между рѣками Кабуломъ и Лагаромъ близъ ихъ слиянія, въ разстояніи менѣе одной мили отъ Бала-Гиссара.

«Наконецъ, говоритъ Робертсъ, я былъ въ Кабулѣ, о которомъ я такъ много слышалъ съ самаго дѣтства, и который мнѣ такъ хотѣлось видѣть. Онъ лежалъ у моихъ ногъ, раскинувшись на довольно обширномъ пространствѣ, со своими глинянаго цвѣта зданіями и 50.000 жителей. Въ юго-

восточномъ углу города виднѣлась крѣпость Бала-Гиссаръ, живописно расположенная на выступѣ скалы у подошвы Шаръ-и-Дарвиза, по гребню котораго шла укрѣпленная стѣна.

«Миѣ донесли, что Кабулъ былъ совершенно спокоенъ; въ нашъ лагерь явилось множество купцовъ, предлагая свои товары, но я запретилъ кому бы то ни было ѣздить въ городъ до тѣхъ поръ, пока мною не будутъ приняты мѣры для поддержанія порядка среди фанатичнаго, вѣроломнаго и мстительнаго населенія.

«Два дня спустя, я побѣхалъ въ Бала-Гиссаръ и пытался воспроизвести въ своемъ воображеніи картину храброй защиты и трагической кончины посольства. Стѣны дома, въ которомъ оно помѣщалось, истыканныя пулями, свидѣтельствовали объ энергичномъ нападеніи и о продолжительной оборонѣ. На полу были кровавыя пятна, а въ пеплѣ очага были найдены груды человѣческихъ костей. Можно себѣ представить, что испытали мои солдаты при видѣ этого, и какъ трудно было сдержатъ проявленіе ихъ чувствъ ненависти и вражды противъ виновниковъ злодѣйскаго покушенія.

«Бала-Гиссаръ, нѣкогда довольно сильное укрѣпленіе, находилось въ разоренномъ состояніи, и его не трудно было бы взять приступомъ, если бы дѣло до этого дошло».

«Я имѣлъ въ это время нѣсколько интересныхъ разговоровъ съ Якубъ-ханомъ. Обсуждая со мною причины, побудившія Ширъ-Али отдалиться отъ насъ и искать сближенія съ Россіей, онъ высказалъ, что хотя его отецъ и не получилъ отъ англійскаго правительства всего, что онъ желалъ, но онъ все-таки былъ доволенъ тѣмъ, что было сдѣлано для него. Но когда Саидъ-Нуръ-Магомедъ возвратился, въ 1873 г., изъ своей поѣздки въ Индію, то онъ убѣдилъ Ширъ-Али въ томъ, что онъ не могъ долѣе рассчитывать на помощь со стороны Великобританіи, тогда Ширъ-Али сдѣлалъ нѣкоторыя предложенія русскимъ, съ которыми съ тѣхъ поръ постоянно поддерживалъ сношенія.

«Когда отецъ,—говорилъ Якубъ,—получилъ отъ индійскаго правительства письмо съ извѣщеніемъ, что въ Кабулъ отправляется британское посольство», то онъ прочелъ его на дурбарѣ, на которомъ присутствовали члены русскаго посольства. Когда чтеніе письма было окончено, то полковникъ Столѣтовъ всталъ, поклонился эмиру и просилъ у него позволенія уѣхать изъ Кабула съ тѣмъ, чтобы немедленно отправиться въ Ташкентъ и вложить положеніе дѣлъ генералу Кауфману, который извѣститъ обо всемъ царя и постарается о томъ, чтобы на Англію было произведено давленіе. Онъ обѣщалъ возвратиться мѣсяца черезъ полтора или два и совѣтовалъ эмиру сдѣлать тѣмъ временемъ все, что будетъ въ его власти, чтобы не допустить посольство въ Кабулъ. Полковникъ Столѣтовъ не вернулся болѣе въ Кабулъ. Онъ по-

спѣшно выѣхалъ въ Ташкентъ, гдѣ пробылъ не долго, и затѣмъ отправился въ Россію ¹⁾).

«Афганскій чиновникъ, мирза Магомедъ - Гассанъ - ханъ, болѣе извѣстный подъ именемъ «Дабиръ-ул-Мулка», сопровождавшій полковника Столѣтова отъ Аму-Дарьи до Кабула, сопутствовалъ ему и на обратномъ пути въ Ташкентъ, гдѣ мирза былъ задержанъ подъ предлогомъ, что вскорѣ будутъ получены приказанія отъ императора, и гдѣ онъ оставался до тѣхъ поръ, пока генераль Кауфманъ не получилъ извѣстія о бѣгствѣ моего отца изъ Кабула. Тогда ему было разрѣшено выѣхать. Съ нимъ были посланы два адъютанта, одинъ европеецъ, а другой бухарецъ.

«Генераль Кауфманъ очень совѣтовалъ моему отцу не покидать Кабула ²⁾». «Вмѣстѣ съ тѣмъ чинамъ посольства было приказано возвратиться, а доктору было разрѣшено остаться съ моимъ отцомъ, если онъ нуждается въ его услугахъ.

¹⁾ По отъѣздѣ изъ Кабула, Столѣтовъ извѣстилъ афганскаго министра иностранныхъ дѣлъ Вазиръ-шаха - Магомедъ - хана 21-го сентября 1878 года о своемъ благополучномъ возвращеніи въ Ташкентъ и о томъ что онъ отправляется въ Россію, чтобы донести императору о результатѣ переговоровъ его съ афганскимъ правительствомъ, и между прочимъ выражалъ надежду, что тѣ, кои захотятъ вступить въ Кабулъ чрезъ восточныя ворота, найдутъ ихъ запертыми, и это заставитъ ихъ трепетать. (Изъ переписки, захваченной Робертсомъ въ Кабулѣ и помѣщенной въ Приложеніи къ его запискамъ).

²⁾ 25-го декабря 1878 г. генераль-адъютантъ Кауфманъ писалъ эмиру, что англійское министерство, на запросъ, сдѣланный ему русскимъ правительствомъ, отвѣчало, что Англія не намѣрена посягать на независимость Афганистана; со своей стороны онъ горячо совѣтовалъ эмиру не покидать страны, а постараться придти къ соглашенію съ англичанами, если же онъ не пожелаетъ возвратиться для этого въ Кабулъ, то генераль-губернаторъ совѣтовалъ ему уполномочить Якубъ-хана заключить миръ на извѣстныхъ условіяхъ.

Повторяя еще разъ совѣтъ не уѣзжать изъ Афганистана, Кауфманъ писалъ, что это не только не принесетъ пользы эмиру, но что его появленіе на русской территоріи можетъ ухудшить дѣло.

Въ томъ же мѣсяцѣ туркестанскій генераль-губернаторъ писалъ генералу Розгонову, находившемуся въ Кабулѣ, что такъ какъ Россія не можетъ въ зимнее время помочь эмиру войскомъ, то чтобы онъ посовѣтовалъ ему повременить до весны; а если, несмотря на все стараніе эмира, война будетъ объявлена, то Розгонову повелѣвалось выѣхать изъ Афганистана.

17-го января 1874 г. Кауфманъ подтвердилъ эмиру, что вслѣдствіе его просьбы о помощи, императоръ вошелъ въ сношеніе съ великобританскимъ правительствомъ и русскому посланнику въ Лондонѣ подтверждено, что независимость Афганистана останется неприкосновенною, и что императоръ, получивъ извѣстіе о томъ, что эмиръ оставилъ Кабулъ и передалъ престолъ сыну

«Русскому посольству оказывали всюду большой почетъ, и войскамъ на всѣхъ станціяхъ, между Мазаръ-и-Шарифомъ и Кабуломъ, было приказано выходить имъ навстрѣчу и привѣтствовать ихъ при прїѣздѣ и при отъѣздѣ залпомъ изъ ружей.

«Не могу поручиться,—говорить Робертсъ,—за точность каждого слова, сказаннаго Якубъ-ханомъ, но ручаюсь за то, что все вышесказанное написано по замѣткамъ, тогда же мною занесеннымъ въ записную книгу, и есть вполнѣ вѣрное воспроизведеніе сказаннаго имъ.

«Было бы излишне,—продолжаетъ онъ,—приводить какое-либо доказательство въ подтвержденіе того факта, что Ширъ-Али, по той или другой причинѣ, отдалился отъ насъ въ послѣдніе годы своего царствования и сталъ склоняться въ пользу союза съ Россіей, но мнѣ кажется, что связь, существовавшая между возникшимъ, болѣе тѣснымъ сближеніемъ Россіи съ Кабуломъ и размѣромъ враждебнаго отношенія къ намъ эмира не была до сихъ поръ оцѣнена какъ должно. Сказанное Якубъ-ханомъ проливаетъ на этотъ вопросъ нѣкоторый свѣтъ, и его слова (о томъ, что эмиромъ поддерживались съ 1873 г. сношенія съ русскими) подтверждаются тѣмъ, что мы встрѣтили въ Кабулѣ гораздо болѣе русскихъ, нежели англичанъ. Афганскіе сардары и офицеры были одѣты въ мундиръ русскаго покроя, въ казначействѣ оказались русскія деньги, на базарахъ продавались русскіе товары и хотя дороги, ведущія въ Среднюю Азію, были, конечно, не лучше тѣхъ, которыя вели въ Индію, но Россія воспользовалась ими лучше, нежели мы для того, чтобы завязать торговые сношенія съ Афганистаномъ.

«Преобладаніе русскихъ денегъ и товаровъ въ Кабулѣ и обширныя военныя приготовленія, которыя дѣлались Ширъ-Али послѣдніе годы, составляютъ любопытный комментарий къ всему разсказанному Якубъ-ханомъ. Разрывъ, происшедшій между нами и Ширъ-Али, далъ намъ возможность обнаружить и предотвратить серьезный заговоръ, угрожавшій спокойствію и безопасности Индійской имперіи.

приказалъ сообщить Ширъ-Али, что въ настоящее время ему не можетъ быть оказано помощи войскомъ. Нѣсколько раньше, а именно 8-го октября 1878 г. генераль-маіоръ Столѣтовъ, по прїѣздѣ въ Ташкентъ, благодарилъ эмира письмомъ за оказанный ему пріемъ и, увѣряя его въ дружескихъ къ нему чувствахъ русскаго императора и готовности помочь ему, писалъ что „тому, кто находится на высокой горѣ, лучше видно то, что дѣлается вокругъ него, и что по милости Божіей на свѣтѣ нѣтъ государства равнаго государству великаго императора“, поэтому онъ совѣтуетъ эмиру во всемъ сообразоваться съ совѣтами русскаго правительства, которое „мудро, какъ змѣя, и кротко, какъ голубь“. Далѣе, увѣдомляя эмира, что Англія желаетъ заключить съ нимъ миръ, онъ совѣтовалъ ему согласиться на это, но въ то же время постараться „разузнать намѣренія сосѣднихъ племенъ и, заключивъ миръ, готовиться втайнѣ къ войнѣ“. (Тамъ же).

«Обширныя военныя приготовленія, которыя дѣлались Ширъ-Али, представляютъ, по моему мнѣнію, фактъ въ высокой степени знаменательный. Еще до начала войны, эмиръ призвалъ къ оружію и вооружилъ ружьями, заряжающимися съ казенной части, 68 полковъ пѣхоты и 16 полковъ кавалеріи. Афганская артиллерія была доведена до 300 орудій. Множество мастеровъ работало непрерывно надъ изготовленіемъ нарѣзныхъ орудій и ружей, заряжающихся съ казенной части.

«Въ Бала-Гиссарѣ оказалось болѣе милліона пудовъ пороха и нѣсколько милліоновъ боевыхъ снарядовъ, туземной работы. Было заготовлено также соотвѣтственное этому количеству сабель, касокъ, мундировъ и другихъ предметовъ воинскаго снаряженія. Наконецъ Ширъ-Али затратилъ поразительное количество денегъ и труда на постройку укрѣпленнаго лагеря въ Шерпурѣ; о размѣрахъ и стоимости этого сооруженія можно судить по тому, что въ немъ могло бы помѣщаться въ теченіе цѣлой зимы все войско, находившееся подъ моею командою, при чемъ наибольшая часть его могла помѣститься въ чертѣ главнаго вала, который тянулся приблизительно на двѣ мили, у подошвы южнаго и западнаго склоновъ холмовъ Б и м а р у. Очевидно, первоначальнымъ намѣреніемъ Ширъ-Али было обнести всѣ эти холмы валомъ на протяженіе 5 миль и на значительномъ протяженіи уже былъ заложенъ фундаментъ. Всѣ эти воинственныя приготовленія могли имѣть цѣлью единственно непріязненныя дѣйствія противъ насъ; въ добавокъ трудно понять, какимъ образомъ афганское казначейство могло дать потребныя для этого сооруженія деньги, когда весь доходъ страны равнялся около 8 лакъ рупій (800.000 руп.) въ годъ.

«Я сказалъ, что изобиліе русскихъ денегъ и товаровъ въ Кабулѣ было доказательствомъ возрастающаго сближенія Россіи съ Афганистаномъ. У меня не было доказательствъ того, что русскія деньги были ввезены туда какимъ-либо инымъ путемъ кромѣ торговли. Весьма возможно, что большая часть этого золота, и быть можетъ и все оно проникло туда постепенно, такъ какъ въ этой странѣ, гдѣ чеканится весьма мало денегъ, заботятся о накопленіи иностранной звонкой монеты. Тѣмъ не менѣе, огромное количество русскаго золота, находившагося тутъ въ обращеніи, было такъ велико, что это неволью поражало. Въ одной кассѣ эмира найдено было не менѣе 13.000 золотыхъ монетъ; подобныхъ же монетъ псадалось не мало и на городскихъ базарахъ; всѣмъ извѣстно, что ихъ было также не мало у сардарей. Разумѣется, въ Кабулѣ также много всевозможныхъ англійскихъ товаровъ, иначе и быть не могло, тѣмъ болѣе, что въ городѣ проживаетъ множество купцовъ, индусовъ, но и русскихъ товаровъ тутъ чрезвычайно много. Стекло, фаянсъ, шелки, чай и много другихъ вещей, которыя, казалось бы, гораздо легче при-

вести изъ Индіи, нежели изъ Россіи, встрѣчаются тутъ въ огромномъ количествѣ.

«У сардарей и другихъ служащихъ вошло, какъ сказано, въ моду носить не только мундиры русскаго покроя, но русскія пуговицы, русскіе сапоги и тому подобное. Вообще, русскіе товары и русскіе обычаи, повидимому, вошли въ моду въ Афганистанѣ».

Послѣ занятія Кабула Якубъ-ханъ былъ вынужденъ передать Робертсу часть не уничтоженной переписки своего отца съ русскими генералами,

«Когда я спросилъ Якубъ-хана, куда дѣлась переписка, которая должна была происходить между его отцомъ и русскими, читаемъ въ запискахъ Робертса, то онъ отвѣтилъ мнѣ, что онъ уничтожилъ ее по пути въ Гандамакъ; однако, нѣкоторые письма генераловъ Кауфмана и Столѣтова достались въ мои руки.

Въ одну изъ моихъ послѣднихъ бесѣдъ съ нимъ, «Якубъ-ханъ, совѣтовалъ мнѣ не терять изъ вида Герата и Туркестана. На мой вопросъ, имѣетъ ли онъ какой-нибудь поводъ ожидать съ этой стороны неприятностей, онъ отвѣчалъ: «Я не могу сказать, что именно можно ожидать, но помните, что я предостерегалъ васъ». Безъ сомнѣнія, онъ зналъ болѣе того, нежели говорилъ, и я считаю возможнымъ, что онъ имѣлъ кое-какія свѣдѣнія о намѣреніяхъ своего брата, Эюбъ-хана ¹⁾ относительно Кандагара, и предвидѣлъ вѣроятно, что Абдуррахманъ появится на сценѣ изъ Туркестана».

12-го октября должно было происходить въ Бала-Гиссарѣ чтеніе прокламаціи, въ которой излагались дальнѣйшія намѣренія англійскаго правительства по отношенію къ Афганистану и мѣры, какія оно рѣшило принять для утвержденія власти эмира, наказанія виновныхъ въ убійствѣ посольства и для водворенія въ странѣ порядка.

«Я очень затруднялся, писать Робертсу, какъ поступить относительно эмира, но мое недоумѣніе скорѣ разрѣшилось самимъ Якубъ-ханомъ. 12-го числа, рано утромъ, онъ явился ко мнѣ въ палатку, когда я еще не былъ одѣтъ, и попросилъ у меня свиданія. Я предложилъ своему царственному посѣтителю единственный, бывшій у меня стулъ, на который онъ сѣлъ, и тотчасъ заявилъ мнѣ, что онъ рѣшилъ отказаться отъ престола, это рѣшеніе его принято твердо, что жизнь его самая жалкая и что онъ скорѣ согласится косять сѣно въ англійскомъ лагерѣ, нежели быть правителемъ Афганистана; въ заключеніе онъ умолялъ меня позволить ему поставить свою палатку возлѣ моей до тѣхъ поръ, пока онъ не получитъ возможность уѣхать въ

¹⁾ Сардаръ Эюбъ-ханъ былъ въ 1879 г. губернаторомъ Герата.

Индію, въ Лондонъ, куда бы то ни было, куда вице-король пожелаетъ отправить его.

«Я предоставилъ въ его распоряженіе палатку, велѣлъ приготовить для него завтракъ и просилъ его хорошенько обдумать принятое имъ рѣшеніе, присовокупивъ, что я повидаюсь съ нимъ вторично въ десять часовъ, передъ тѣмъ какъ отправиться (для чтенія прокламаціи) въ Бала-Гиссаръ».

Рѣшеніе Якубъ-хана осталось неизмѣннымъ.

28-го октября былъ обнародованъ манифестъ объ отреченіи его отъ престола, и нѣсколько времени спустя онъ и главные его министры были отправлены въ Индію, гдѣ ему было назначено опредѣленное мѣстожительство; афганскій престолъ остался вакантнымъ, и генералъ Робертсъ временно принялъ на себя высшее управленіе военными и политическими дѣлами въ Афганистанѣ.

Продолжительная оккупация англійскимъ войскомъ укрѣпленнаго лагеря при Шерпурѣ, захватъ артиллеріи и многочисленныхъ боевыхъ снарядовъ, разрушеніе исторической крѣпости афганцевъ и резиденціи ихъ эмировъ, наконецъ, отправка въ Индію самого эмира и его министровъ могли довести обычную ненависть афганцевъ къ иностранцамъ до высшей степени. И дѣйствительно афганцы, движимые религіознымъ и патріотическимъ энтузіазмомъ, подстрекаемые къ тому же своими муллами, начали еще въ ноябрѣ мѣсяцѣ собираться большими отрядами, противъ которыхъ англійскія войска дѣйствовали безъ особеннаго успѣха. 18-го декабря афганцы окружили Шерпурскій лагерь и 23-го декабря пытались произвести штурмъ, который однако былъ отбитъ съ большими потерями, послѣ чего афганцы обратились въ бѣгство; всѣ ихъ отряды были разсѣяны, и страна мало-по-малу стала успокаиваться. Тогда на очередь сталъ вопросъ объ избраніи новаго эмира, который могъ бы занять въ Кабулѣ престолъ съ надеждою удержаться на немъ. Этотъ вопросъ живо интересовалъ индійское и великобританское правительства.

Исторія Афганистана показывала, какъ трудно было одному лицу сосредоточить въ своихъ рукахъ власть надъ непокорными племенами, населявшими страну. Достъ-Магомедъ, первый попытавшійся объединить Афганистанъ, провелъ всю жизнь въ борьбѣ за власть и въ стараніи утвердить ее; его преемникъ, Ширъ-Али, пять лѣтъ велъ междоусобную войну прежде, нежели утвердился на престолѣ, и никогда бы не одержалъ верхъ надъ своими соперниками, если бы Англія не оказала ему матеріальной поддержки. Для безопасности Индійской имперіи и спокойствія ея границъ самымъ желаннымъ сосѣдомъ былъ, разумѣется, сильный и объединенный Афганистанъ, при условіи, конечно, что англійское правительство могло бы быть увѣрено въ томъ,

что ихъ интересы были бы тождественны, но существовала возможность, что силы Афганистана будутъ направлены противъ Англіи. Даже если бы вновь избранный эмиръ оказался всецѣло преданнымъ Англіи, то исторія Афганистана могла повториться и изъ-за престола могла снова возгорѣться междоусобная война со всѣми ея тревожными послѣдствіями.

Таковы были въ общихъ чертахъ соображенія, побудившія въ то время генерала Робертса предложить своему правительству раздѣлить Афганистанъ на нѣсколько самостоятельныхъ княжествъ, какъ это было до Достъ-Магомеда, и не назначать общаго властителя. Но это было найдено невыполнимымъ, и британское правительство начало съ главнѣйшими афганскими князьями переговоры объ избраніи эмира, который имѣлъ бы въ странѣ достаточное число приверженцевъ. Найти такое лицо было не легко. Робертсъ остановилъ свой выборъ на Абдуррахманѣ, племянникѣ бывшаго эмира Ширъ-Али, но никто довольно долго не зналъ, гдѣ онъ находится, какъ вдругъ въ концѣ января 1880 г. было получено письмо отъ его матери, жившей въ Кандагарѣ, которая писала, что Эюбъ-ханъ предлагалъ ей сыну соединиться съ нимъ и дѣйствовать противъ англичанъ, но Абдуррахманъ отъ этого отказался, заявивъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ «не можетъ оставить русскую территорію безъ позволенія русскихъ, отъ коихъ онъ получаетъ субсидію, и что, даже получивъ это разрѣшеніе, онъ не пріѣхалъ бы въ Афганскій Туркестанъ и въ Кабуль иначе, какъ по приглашенію Англіи».

Индійское правительство дѣйствительно само предложило ему занять афганскій престолъ. Переписка, возникшая по этому поводу съ нимъ у англійскихъ властей, весьма любопытна и даетъ очень яркую характеристику этого замѣчательнаго государя.

Абдуррахманъ сразу весьма точно и опредѣленно поставилъ вопросъ о своихъ будущихъ отношеніяхъ какъ къ Англіи, такъ и къ Россіи. Выражая полную готовность поддерживать дружественныя отношенія съ Англіей и воспользоваться ея помощью для того, чтобы возстановить въ Афганистанѣ миръ и порядокъ, онъ увѣдомилъ вмѣстѣ съ тѣмъ англійское правительство, что займетъ афганскій престолъ только съ согласія русскаго правительства, по отношенію къ которому онъ имѣлъ извѣстныя обязательства за оказанное ему гостепримство, и вообще далъ понять, что его отношенія къ обоимъ государствамъ всегда будутъ совершенно одинаковы, т. е., другими словами, онъ сразу старался поставить себя въ совершенно независимое положеніе.

Индійское правительство отвѣчало ему, что оно не можетъ войти съ нимъ въ обсужденіе вопроса объ отношеніяхъ Афганистана къ Великобританіи и Россіи и что оно всегда и при всякихъ обстоятельствахъ

считало устраненіе иноземнаго вліянія и вмѣшательства во внутреннія дѣла Афганистана непремѣннымъ условіемъ, обезпечивающимъ спокойствіе Индійской имперіи, и на которомъ могла бы быть оказана поддержка афганскому эмиру, и что это условіе всегда признавалось и русскимъ правительствомъ, которое неоднократно подтверждало сдѣланное имъ англійскому правительству заявленіе, что «Россія считаетъ Афганистанъ внѣ сферы своего вліянія».

Переговоры съ Абдуррахманомъ еще не были окончены, когда было получено извѣстіе, что правитель Герата, Эюбъ-ханъ, призывалъ со сѣднія племена къ возстанію, собравъ значительныя силы (12.000 чел.), и нанесъ англичанамъ (12-го іюля 1880 г.) рѣшительное пораженіе при Маймандѣ. Остатки британскаго войска, преслѣдуемые афганской конницей, бѣжали въ Кандагаръ, гдѣ генераль Примрозъ былъ осажденъ Эюбъ-ханомъ съ отрядомъ въ 3.650 чел. Тогда Робертсъ рѣшилъ немедленно идти ему на выручку съ тѣми войсками, которыми онъ могъ располагать, и совершилъ свой извѣстный кандагарскій походъ, принесшій ему титулъ лорда, въ столь короткій промежутокъ времени (съ 7-го августа по 2-е сентября 1880 г.), что онъ могъ считаться необыкновеннымъ подвигомъ. Эюбъ-ханъ былъ разбитъ на голову и потерялъ всю свою артиллерію.

Между тѣмъ 22-го іюля 1880 г. на дурбарѣ афганскихъ князей, созванномъ въ Кабулѣ генераломъ Робертсомъ, Абдуррахманъ былъ провозглашенъ эмиромъ и принялъ власть на чрезвычайно выгодныхъ условіяхъ. Британское правительство отказалось отъ своего притязанія содержать въ Кабулѣ постоянное посольство, обѣщало очистить всю страну, уплачивать эмиру ежегодную ренту и возратить большую часть отнятыхъ пушекъ и другаго оружія, взаменъ чего Абдуррахманъ обязался только не вступать въ политическія сношенія ни съ какии другимъ иностраннымъ правительствомъ.

Но вскорѣ положеніе Абдуррахмана сдѣлалось весьма затруднительнымъ, вслѣдствіе дальнѣйшихъ успѣховъ Россіи въ Средней Азіи, которые усилили соперничество между нею и Великобританіей и заставили послѣднюю еще пристальнѣе слѣдить за Афганистаномъ.

«Нельзя было относиться безразлично къ дѣйствіямъ Россіи, — писалъ Робертсъ, — ибо, въ то время, когда мы отказались отъ нашего господствующаго положенія въ Кандагарѣ, она значительно приблизилась къ Афганистану и при томъ въ направленіи болѣе выгодномъ, чѣмъ прежде, для того, чтобы идти впередъ еще далѣе».

До 1881 г., русской арміи, если бы таковая была двинута въ Афганистанъ, пришлось бы рѣшить трудную задачу—либо перейти черезъ Гинду-Кушъ, представлявшій весьма внушительную преграду, либо пройти по пустынямъ Хивы и Бухары, въ томъ случаѣ, если бы она

была двинута къ Герату. Но все это измѣнилось со взятіемъ Геокъ-Тепе Скобелевымъ (1881 г.) и съ побѣдами, одержанными имъ надъ текинцами, которыя предоставили Мервъ во власть Россіи и дали ей возможность перенести ея операціонный базисъ изъ Оренбурга къ Каспійскому морю. Это былъ важнѣйшій изъ всѣхъ шаговъ, когда-либо сдѣланныхъ Россіей въ ея поступательномъ движеніи къ Индіи.

«Я обращалъ, говоритъ Робертъ, нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ вниманіе индійскаго правительства на то, какъ много выиграла бы Россія, когда, завоевавъ Мервъ, — а я считалъ это завоеваніе неизбѣжнымъ въ ближайшемъ будущемъ, — она получила бы возможность сдѣлать этотъ шагъ. На мои слова не обратили въ то время вниманія, надъ ними даже смѣялись и говорили, что я, какъ и нѣкоторые другія лица, раздѣлявшія мой взглядъ, былъ одержимъ болѣзнью, которую одинъ извѣстный политическій дѣятель окрестилъ названіемъ «*Mervousness*» (мервность, отъ *mervousness* — нервность) и подъ вліяніемъ которой я такъ сильно беспокоился объ успѣхахъ русскихъ въ Средней Азіи. Но нѣсколько времени спустя мои слова оправдались. Мервъ сдѣлался (1885 г.) русскимъ владѣніемъ, и Туркестанъ былъ непосредственно соединенъ съ Петербургомъ желѣзною дорогою и пароходнымъ сообщеніемъ. Нельзя отрицать того, что это давало русскимъ возможность, въ случаѣ надобности, быстро двинуть кавказскую армію на театръ военныхъ дѣйствій и что генералъ Комаровъ могъ, такимъ образомъ, продиктовать свои условія коммисіи, имѣвшей цѣлью установить сѣверную границу Афганистана, и русскіе могли овладѣть Пендже (на лѣвомъ берегу Мургаба, въ 35 кил. выше отъ впаденія въ него Кушки), на глазахъ у британскихъ офицеровъ».

Бразды правленія въ Индіи находились въ то время въ рукахъ лорда Дюфферина. Въ виду тревожнаго оборота, который принимала дѣла въ Средней Азіи, и крайне натянутыхъ отношеній, установившихся между Россіей и Англіей, и взаимнаго недовольства и недоразумѣній, возникшихъ по вопросу о проведеніи сѣверной границы, вице-король счелъ нужнымъ имѣть свиданіе съ афганскимъ эмиромъ, котораго онъ пригласилъ съ этою цѣлью въ мартѣ мѣсяцѣ 1886 г. въ Раваль-Пиндъ.

«Абдуррахману было въ то время 45 лѣтъ; страдая ревматизмомъ, онъ долженъ былъ опираться на палку, но, не смотря на это, его статная фигура была благородна и внушала уваженіе. У него было мужественное, умное и красивое лицо, но его нѣсколько портило жесткое выраженіе рта; въ обращеніи онъ былъ вѣжливъ, хотя нѣсколько рѣзокъ».

При первомъ же свиданіи эмиръ напомнилъ лорду Дюфферину, что онъ предостерегалъ британское правительство относительно движенія

русскихъ къ Афганистану, которое производило тревожное впечатлѣніе на умы его соотечественниковъ.

Вице-король отвѣчалъ, что если Россія двинется къ Герату, то Англія отвѣтитъ на это объявленіемъ войны, поэтому онъ счелъ нужнымъ поставить Абдурахману ребромъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ его къ Англіи и указалъ ему на безусловную необходимость рѣшить совершенно опредѣленно, кого изъ своихъ могущественныхъ союзей онъ выбираетъ союзникомъ въ случаѣ войны между ними; въ то же время лордъ Дюфферинъ совѣтовалъ Абдурахману укрѣпить сѣверную границу Афганистана и предлагалъ ему услуги англійскихъ инженеровъ для приведенія Герата въ состояніе надлежащей обороны.

Абдурахманъ горячо поблагодарилъ лорда Дюфферина за лестное для него предложеніе заключить союзъ съ Англіей, говорилъ, что онъ лично безусловно на сторонѣ англичанъ, [но... что онъ долженъ считаться съ чувствами и мыслями своихъ подданныхъ, а «этотъ грубый, необразованный и подозрительный народъ», къ сожалѣнію, противъ англичанъ.

Нѣсколько дней спустя послѣ пріѣзда Абдурахмана въ Раваль-Пиндъ, состоялся торжественный дурбаръ, на которомъ вице-король и эмиръ обмѣнялись увѣреніями во взаимныхъ дружественныхъ чувствахъ.

На другой день было получено извѣстіе о пораженіи генераломъ Комаровымъ афганскихъ войскъ подъ Кушкой.

Поведеніе Абдурахмана при этомъ извѣстіи было изумительно: онъ принялъ его съ полнымъ равнодушіемъ и заявилъ присутствующимъ, что не придаетъ ему особеннаго значенія; очевидно, онъ употребилъ всю силу своей азіатской выдержки съ цѣлью не обнаружить своихъ истинныхъ чувствъ и тѣмъ не дать связать себя съ англійскимъ правительствомъ какими-нибудь послѣдними обѣщаніями.

Эмиръ получилъ отъ англійскаго правительства въ подарокъ почетную саблю, принимая которую, онъ сказалъ, что «съ этой саблей онъ надѣется истребить всѣхъ враговъ великобританскаго правительства». Онъ выразилъ также желаніе имѣть англійскій орденъ, который и былъ пожалованъ ему передъ его отъѣздомъ. Онъ могъ быть вполне доволенъ своимъ посѣщеніемъ Индіи: ему была не только обѣщана помощь Англіи въ случаѣ нападенія на Афганистанъ, но онъ получилъ также большую сумму денегъ, нѣсколько орудій, много ружей и боевыхъ снарядовъ.

Послѣ отъѣзда эмира англичане начали усиленно готовиться къ войнѣ съ Россіей; Робертсъ былъ назначенъ командующимъ арміей въ составѣ двухъ армейскихъ корпусовъ, которая должна была идти къ

Герату, если бы только русскіе послѣ кушкинскаго боя двинулись еще далѣе впередъ.

«Два армейскихъ корпуса,—это была конечно внушительная сила, говоритъ Робертсъ, но, къ сожалѣнію, если бы дѣло дошло до дѣйствительнаго разрыва съ Россіей, то ихъ вовсе нельзя было бы двинуть, такъ какъ перевозочныя средства совершенно отсутствовали».

Въ виду этого, будучи назначенъ главнокомандующимъ войсками въ Индіи,—постъ, который онъ занималъ въ теченіе 8 лѣтъ,—Робертсъ обратилъ на этотъ вопросъ особенное вниманіе и въ запискѣ, поданной имъ индійскому правительству, настаивая на необходимости какъ можно лучше подготовиться къ войнѣ съ Россіей,—идею о которой онъ желѣвалъ въ теченіе всей своей продолжительной службы,—онъ подробно изложилъ свой взглядъ на необходимость обезпечить перевозочныя средства, улучшить пути сообщенія, построить желѣзныя дороги, чему онъ придавалъ несравненно большее значеніе, чѣмъ постройкѣ новыхъ укрѣпленій.

Изложенію существеннѣйшихъ мѣръ, которыя были приняты имъ какъ для укрѣпленія сѣверной границы Индіи, такъ и по вопросамъ мобилизаціи, сосредоточенія и устройства тыла арміи, посвящены послѣднія главы записокъ Робертса.

В. Тимошукъ.

